

A v v a k u m o v G. Die Entstehung des Unionsgedankens. Die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche. Berlin: Akademie Verlag, 2002. 433 S.

Книга Г. Аввакумова «Возникновение униональной мысли. Латинское богословие высокого средневековья в своем отношении к обряду восточной Церкви» состоит из двух частей, первая из которых посвящена греко-латинским религиозным спорам XI–XIII вв., а вторая – подходам латинских богословов к своеобразию восточной Церкви.

В первом разделе первой части автор на основе исключительно изданных источников (с. 23) описывает содержание споров об используемых в западной Церкви для приготовления евхаристии опресноках. При этом он делает обзор имеющихся сведений и точек зрения по вопросу о происхождении двух различных, предполагающих соответственно применение квасного или пресного хлеба, обычаев и соответствующих греческих понятий (*ἄρτος ζῆμιος, ζῆμιον, λουβάτζειν*). При описании церковного столкновения 1050-х годов Г. Аввакумов убедительно обосновывает достоверность сообщений о преследовании латинского обряда в Константинополе. Не столь надежными представляются рассуждения исследователя, когда он объясняет возникновение первого письма Льва Охридского желанием патриарха Кирулария предотвратить латинизацию греческих церквей в Южной Италии (с. 83–84), поскольку из письма Льва IX известно о том, что итальянские греки даже поощрялись папой к сохранению своего обряда¹.

Утверждения Г. Аввакумова, согласно которым вопрос об опресноках господствовал в византийской религиозной полемике XI–XII вв. и упоминался почти в каждом противолатинском сочинении этого времени (с. 87), не соответствуют действительности – *Filioque* выходит в начале XII в. на первый план споров, об опресноках же нет речи в посвященных вопросу об исхождении Св. Духа произведениях Евстратия Никейского, в противолатинских работах Иоанна Фурна, Николая Музалона (1112 или 1113), Никиты Маронейца, Андроника Каматира (вторая половина 1160-х годов). Г. Аввакумов неточно обозначает как один сохранившийся под именем Иоанна Дамаскина сборник небольших отрывков об опресноках (с. 95) два разных писания (PG. T. 95. Col. 388–396), к которым можно добавить не упомянутое автором творение в PG. T. 94. Col. 414–415. Кроме того, исследователь не упоминает в своем списке противоопресночных произведений изданное Арсением Иващенко и посвященное этому вопросу сочинение Николая Мефонского (с. 100)², полемическое писание «Ереси франков»³ и неизданное сочинение «О дурных делах римлян» в рукописи Par. gr. 1295 (f. 26–29)⁴.

Автор пишет о будто бы господствовавшей среди восточных полемистов тенденции к «нетерпимости» (с. 114, 375–381). Между тем бескомпромиссное отношение к вопросу о литургическом хлебе большинства из них не обязательно исключало мирный и даже дружественный настрой, как то, к примеру, было с полемическими произведениями Льва Охридского, Никиты Стифата или Никиты Сеида. В своем обстоятельном описании латинской полемики Г. Аввакумов не подтверждает конкретными текстовыми указаниями свое замечание о зависимости папы Иннокентия III от более ранних авторов (с. 143). В отличие от мнения автора эпизод с преломлением хлеба в Эммаусе (Лк. 24: 30) использовался как довод в литургической полемике впервые не в трактате «Против ошибок греков» 1252 г. (с. 148), но применялся уже Лаиком Амальфитанским в конце XI в. и Феорианом во второй половине XII в. и был известен Льву Переяславскому ок. 1070 г.⁵

¹ Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant / Ed. C. Will. Lipsiae; Marburgi, 1861. P. 80.

² Арсений (Иващенко). Два неизданных сочинения Николая, епископа Мефонского. Новгород, 1897. С. 51–115.

³ См. издание этого сочинения: Davreux J. Le Codex Bruxellensis II 4836 // Byzantion. 1935. T. 10. P. 103–106.

⁴ Это произведение упоминалось Ж. Даррузесом и является расширенной переработкой сочинения «О франках» (Darrouzès J. Le mémoire de Constantin Stilbès contre les latins // REB. 1963. T. 21. P. 54).

⁵ Michel A. Amalfi und Jerusalem im griechischen Kirchenstreit. Rom, 1939. S. 39–41; *Mémorial L. Petit*. Bucarest, 1948. P. 331–332; Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 122–123.

Во втором и третьем разделах первой части подробно описываются споры XIII в. о необходимости смешивать богослужебное вино с водой и о крещальной формуле, которая в греческой Церкви начинается словами: «Крещается раб Божий...», а в латинской: «Я крещу тебя...». Помимо прочего исследователь критикует историческую ценность «Антикейменов» («Диалогов») Ансельма Хавельбергского, который при описании своей встречи с никомидийским митрополитом неоднократно использовал чужие произведения и называет обоих изображенных в диалогах Ансельма иерархов «чисто литературными фигурами», а само описание беседы – «вымышленным» (с. 191, 367). Между тем западные переводчики полемиста были им самим названы и еще жили при написании им своего труда (с. 175, прим. 61), так что они могли оспорить сообщения хавельбергского епископа. Почти все использованные последним в его работе сочинения – «Богословские гомилии» Григория Назинзина, произведения Боэция и Августина, «Понтификальная книга», «Трехчастная история», «Псевдо-Исидоровы декреталии» – могли быть ему известны и до беседы с византийским иерархом, поэтому его обращение при споре к отдельным почерпнутым там сведениям, сверенным позже с первоисточниками, отнюдь не исключено. Автор «Антикейменов» действительно вложил в уста Никиты заимствованные в своей основе у Августина высказывания о склонности человека к ошибкам и о предпочтительности хранить полученное от предшественников вместо того, чтобы вводить новшества⁶, однако их вряд ли стоит считать решающими для прояснения точки зрения никомидийского митрополита в обсуждаемых вопросах. Если Никита, согласно хавельбергскому епископу, во втором «Диалоге» высказывает пожелание приспособлять свой разум Св. Писанию, и те же слова обнаруживаются в «Апологетическом послании в защиту регулярных каноников» самого Ансельма, то это обстоятельство может объясняться и решением последнего включить в написанное предположительно в 1138 г. «Послание» услышанное им ранее в Константинополе высказывание⁷. Наконец, Ансельм сам признавался в намерении по памяти передать лишь «настрой» (тепөгем) разговора, добавляя некоторые «необходимые вере и соответствующие этой работе» рассуждения⁸, а общий объем признанного заимствованным текста составляет едва ли двадцатую часть всего произведения. Таким образом, попытки поставить под сомнение историческую достоверность «Диалогов» в целом представляются лишенными достаточного основания.

Четвертый раздел книги посвящен политическому измерению полемики, что плохо соответствует названию второй части «Латинские подходы к своеобразию восточной Церкви». Остается неясным, почему Г. Аввакумов исключает папское первенство из упомянутых в письме 1089 г. Алексея Комнина Урбану II «канонических вопросов» (с. 229), и на каком основании он считает «латинянином» преемника изгнанного в 1078 г. со своего епископского престола Василия Реджийского (с. 232). Утверждение исследователя о том, что оба патриарха Иоанн IV Оксит Антиохийский и Симеон II Иерусалимский были изгнаны из их городов крестоносцами (с. 235, 239), лишено подтверждения в источниках и противоречит приводимым автором данным, согласно которым первый из них добровольно оставил свое епископство (с. 236). Столь же мало обосновано мнение Г. Аввакумова, согласно которому за сложностями вокруг этих престолов стоял вопрос об опресноках (с. 241), поскольку неизвестно, были ли полемические произведения обоих иерархов написаны до или после их ухода, и не побудили ли их сами эти сложности к такой работе.

Можно усомниться и в том, что завоевание и разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 г. вплоть до нынешнего времени сохраняется в «исторической памяти» народов византийского культурного пространства (ср. с. 247), так как подобную память легко смешать с полемическим использованием прошлого. Если Иннокентий III одобрил взятие греческой столицы «латинянами» и призвал в 1205 г. к привозу латинских богослужебных книг на Восток с целью введения там западного обряда, папу еще нельзя на этом основании обвинять в «военной» поддержке крестоносцев, «агрессии» и «высокомерии» по отношению к византийской Церкви, как это делает исследователь (с. 250, 259). Терпел ли Иннокентий III восточные обычаи лишь «против своей воли», и считал ли он квасной хлеб «опасным» для веры (с. 253, 258), не явствует из собранных Г. Аввакумовым сведений. Можно также заметить, что тот же папа еще до Григория IX толковал эпизод с апостолами Петром и Иоанном у гроба

⁶ PL T. 188. Col.1197, 1212 и PL T. 43. Col.130, 134.

⁷ Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. Vol. 3. P., 1924. Col. 459.

⁸ PL. T. 188. Col. 1141.

Христа (Ин. 20: 2–10) как символическое изображение греческой и латинской Церквей (PL. T. 215. Col. 457–458; ср. с. 267).

Исследователь не точен, когда он представляет провозглашенную на втором Лионском соборе в 1274 г. против отрицающих Filioque анафему как отлучение всех, кто имел бы «любое сомнение» в этом учении (с. 291). Почему автор полагает, что соборные решения только углубили разрыв между Церквями (там же), остается неясным. Хотя по отношению к этому времени действительно можно говорить о политике «возвращения» греков, это понятие, вопреки утверждению ученого, не исключает «униональной», т.е. направленной на объединение Церквей, идеи (ср. с. 292–293). Сложно поддержать и мнение Г. Аввакумова, согласно которому невключение Filioque в греческий Символ веры могло скрыть столь значительное событие, как принятие римского исповедания (с. 295); в этом случае речь скорее идет о попытке Михаила VIII не давать повода к дальнейшей полемике в собственной Церкви посредством сохранения привычного для его подданных текста. Исследователь называет греко-латинские споры «усилиями по взаимопониманию» (Verständigungsbemühungen) и усматривает в желании императора обойти спорные вопросы доказательство того, что заключенные в Лионе соглашения были «нечестными» (с. 296–297). Это мнение было бы правильным только в том случае, если бы литургические различия вместе с Filioque не использовались бы в Византии большей частью лишь как предлоги для обоснования независимости от римской Церкви.

В пятом, последнем разделе книги подробно представлены мнения латинских богословов о греческих богослужебных обычаях. Только здесь Г. Аввакумов обращается с немногими словами к истинному началу литургической полемики в 867 г. в окружном послании Фотия и в писаниях Энея Парижского и Ратрамна Корбийского (с. 343–346).

Книга весьма богата сведениями и содержит немало интересных наблюдений, однако не все ее разделы выглядят в этом отношении одинаково. Автору в целом удалось представить широкую картину литургических спорных вопросов XI–XIII вв. и тогдашних мнений о богослужебном своеобразии обеих Церквей. Однако поскольку униональная идея исторически была связана более с утверждением первенства римского епископа, чем с признанием греческого обряда латинскими богословами, название работы не совсем точно отражает ее содержание. Примененный исследователем способ цитирования, при котором значительные части текста приводятся по-гречески или на латыни часто без немецкого перевода, кажется неудачным. Несмотря на отмеченные недостатки, издание первых трех и последнего разделов книги на русском языке после необходимой доработки было бы желательным.

А.В. Бармин

Π α π ο υ λ ί δ η ς К.К. Πορφύριου Ουσπένσκι Ἀγιορειτικῶν ἐποπτεία. Ἀγιον Ὅρος, Καρυές, 2005 (Ἀγιορειτικὴ βιβλιοθήκη). 173 σ.

Новая книга известного греческого историка К.К. Папулидиса посвящена одному из самых выдающихся русских византинистов XIX в. епископу Порфирию Успенскому. Во введении автор приводит свидетельства об интересе русского общества к православному Востоку, непосредственно связанном с государственной политикой России в восточном вопросе. Первым русским ученым, который занимался историей Афона, был архимандрит, впоследствии епископ Порфирий Успенский. К.К. Папулидис отмечает, что греческие исследователи уделяли мало внимания личности ученого: только Г. Смирнакис бегло упомянул его в своей «Истории Афона». По-видимому, как раз эта лакуна в греческой историографии не только обусловила выбор К.К. Папулидисом темы для исследования, но и во многом определила жанр его книги.

Представив во вступительной главе обзор архивных источников и русской библиографии о еп. Порфирии, К.К. Папулидис приступает к изложению биографии ученого. Русский читатель, знакомый с дневником Порфирия «Книга бытия моего», со статьями А.А. Дмитриевского и материалами к его биографии, вероятно, почерпнет здесь для себя мало нового. Не так обстоит дело с читателем греческим. Ведь для каждого образованного грека имя Порфирия связано с двумя равно негативными образами: это тот человек, который, во-первых, на протяжении нескольких десятилетий похищал греческие рукописи из монастырей Востока и, во-вторых, был ярким представителем русского панславизма,